

УДК 81 (=512.212)

DOI 10.25587/SVFU.2022.44.69.010

Н. Ю. Ушницкая

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН, г. Якутск, Россия
e-mail: maltak84@mail.ru

Вербализация концепта «Бира/река» в лингвокультуре эвенков

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «Бира/река» в лингвокультуре эвенков. Целью настоящего исследования является анализ вербализации концепта «Бира/река» в лингвокультуре эвенков. Лингвокультурологическое исследование концептуализации реки проводится на материале словарей, художественных, фольклорных и поэтических тестов, полевых записей аутентичных текстов от носителей языка. При этом автор опирается на методику лингвокультурного исследования концепта (В. И. Карасик) и семантико-когнитивное описание концепта (И. А. Стернин). В настоящее время малоизученной является проблематика лингвокогнитивного и лингвокультурного описания эвенкийского языка. Описание концептосфер исчезающих языков народов Севера является реконструкцией устаревших смысловых признаков сознания номадов, оленеводов, охотников, рыболовов. И одной из основных задач современных лингвистов-эвенковедов является сохранение концептосферы эвенкийского языка. Этим объясняется актуальность исследования. Автор пришел к выводу, что формирование концепта «Бира/река» проходило под влиянием охотничье-кочевого образа жизни в сочетании с анимистическими взглядами на природу. Концепт «Бира/река» является одним из ключевых в лингвокультуре эвенков. В таежных условиях река является естественным ориентиром, местом проживания людей и обитания диких зверей. Река «живая»: она обладает «психологической энергией» мусун, поэтому она может позволить благополучную переправу, дать пищу и воду, а может и наказать. Ключевые слова: лингвокультура, концептосфера, вербализация, концепт, эвенкийский язык, река, бира, мусун, охота, кочевание.

Для цитирования: Ушницкая Н. Ю. Вербализация концепта «Бира/река» в лингвокультуре эвенков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 4 (30). С. 116–130.

N. Yu. Ushnitskaya

Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS
Yakutsk, Russia
e-mail: maltak84@mail.ru

The verbalization of the concept «Bira/river» in the linguoculture of the Evenks

Abstract. The article is devoted to the study of the concept «Bira/river» in the linguistic culture of the Evenks. The aim of the present study is to analyze the verbalization of the concept «Bira/river» in the linguoculture of the Evenks. The linguocultural study of the river conceptualization is carried out on the material of dictionaries, art, folklore and poetic texts, field recordings of authentic texts by native speakers. The author relies on the method of linguocultural research of the concept (V. I. Karasik) and semantic-cognitive description of the concept (I. A. Sternin). At present, the problems of linguocognitive and linguocultural description of the Evenki language are little-studied. The description of the conceptospheres of the disappearing languages of the peoples of the North is a reconstruction of the obsolete semantic features of the consciousness of nomads, reindeer herders, hunters, fishermen. One of the main tasks of modern Evenk linguists is the preservation of the conceptosphere of the Evenki language. This fact explains the relevance of the research. It was concluded that the formation of the concept «Bira/river» took place under the influence of the hunter-nomadic way of life combined with animistic views of nature. The concept «Bira/river» is one of the key concepts in the Evenk linguistic culture. In environmental conditions of taiga the river is a natural reference point, a place of residence of people and dwelling of wild animals. The river is «alive»: it has the «psychological energy» of the musun, so it can allow a safe crossing, give food and water, but sometimes it can also punish.

Keywords: linguoculture, conceptosphere, verbalization, concept, Evenki language, river, bira, musun, hunting, nomadism.

For citation: Ushnitskaya N. Yu. The verbalization of the concept «Bira/river» in the linguoculture of the Evenks // Arctic XXI century. Humanitarian sciences. 2022, No. 4 (30). P. 116–130. (In Russ.)

Введение

С возникновением в языкознании на базе антропоцентрической парадигмы, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии все большую актуальность приобретают исследования концептов. С точки зрения З. Д. Поповой и И. А. Стернина в когнитивной лингвистике определились на сегодняшний день следующие направления исследования концептов: культурологическое (Ю. С. Степанов), лингвокультурологическое (В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев), логическое (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис), семантико-когнитивное (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин,

Г. В. Быкова), философско-семиотическое (А. В. Кравченко) [16, с. 12]. Сторонник лингвокультурологического направления исследования концептов В. И. Карасик предлагает считать их первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира [6, с. 123]. Представители семантико-когнитивного подхода к исследованию концепта З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют его как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [16, с. 24].

В современном тунгусоведении также начинают разрабатываться исследования в области концептосфер эвенкийского и эвенского языков. Так, проводились сравнительно-сопоставительные исследования концептов «Душа» и «Дух» в русском, английском и эвенкийском языках (Е. В. Черникова) [21], «Оми/душа», «Маин/судьба», «Куту/счастье» в эвенкийском и русском языках (Н. Ю. Ушницкая) [18], «человек/бэе/киһи» в русском, эвенкийском и якутском языковом сознании (Н. Е. Захарова) [5] и др. Имеются исследования концептов на материале эвенкийского и эвенского языков. Так, Е. В. Мерекина проводила этнолингвокультурологическое исследование культурных концептов на материале языка эвенков [13], Н. Ю. Ушницкая изучала лингвокультурные концепты «Мо/дерево», «Олень» в эвенкийском языке [19, 20], Р. П. Кузьмина «Вьюга и лед» в эвенском языке [7].

Исследование концептуализации реки проводилось на материале разных лингвокультур: русской, английской, эвенкийской, юкагирской и т. д. Так, имеются работы: М. Х. Кусмидинова «Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги» [10]; И. В. Куреня «Анализ концепта «Река» в авторской англоязычной картине мира» [8]; Т. Т. Габышева и Ю. Г. Хазанкович «Природные концепты «Река» и «Тайга» в повести Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя, Желтула-река» [4]; С. Н. Курилова «Концепт «Река» как актуальная ментальная единица водного пространства ландшафтной концептосферы в лингвокультуре лесных юкагиров» [9] и др. Новизна настоящего исследования определяется лингвокультурологическим описанием концепта «Бира/река» на материале эвенкийского языка.

Материал и методика

Для исследования вербализации концепта «Бира/река» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков (СТМЯ), эвенкийско-русского словаря А. Н. Мыреевой. Лексические единицы для корпуса исследования были получены методом сплошной выборки: из словарей было отобрано до 100 лексических единиц, далее был проведен их семантический анализ. Для исследования ценностной и образной составляющих концепта были изучены художественные и поэтические тексты Г. И. Кэптукэ, Н. К. Оёгира, а также полевые записи аутентичных

текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки: Ю. Ю. Мальчакитова (1960 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), М. Г. Мальчакитовой (1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), Н. Ю. Мальчакитовой (1964 г. р., с. Чапо-Олого, Каларский район, Забайкальский край), В. В. Александрова (1968 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область), К. И. Габышевой (1960 г. р., с. Усть-Нюкжа, Тындинский район, Амурская область). От реципиентов зафиксировано 15 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык, далее был проведен лингвокультурологический анализ этих текстов. Из повести Г. И. Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река» были отобраны тексты, содержащие языковые средства, номинирующие исследуемое ментальное образование, затем был произведен лингвокультурологический анализ этих текстов. Также были рассмотрены стихотворения Н. К. Оёгира, имеющие в составе языковые средства, репрезентирующие рассматриваемый концепт, для более точной передачи семантики лексических единиц выполнен дословный перевод и лингвокультурологический анализ этих стихов. К лингвокультурологическому анализу привлекались и отрывки из текстов эвенкийских героических сказаний.

Обсуждение результатов

Представления о реке встречаются во многих лингвокультурах. Их относят к культурным универсалиям. Гидроцентрическая модель мира, согласно которой в центре мира находится Мировая река, в том числе и огненная. Мировая река – это рубеж между живыми и мертвыми. По мифологическим представлениям ряда народов, путь в потусторонний мир ассоциируется с переправой на лодке по течению реки [12, с. 205–206]. Согласно древним воззрениям эвенков, каждый человек обладает не одной, а несколькими душами: *ханян* ‘душа-тень’, *бэен* ‘телесная душа’ и *маин* ‘душа-судьба’. Когда *бэен* умирает, тогда умирает и человек. Покойника клали на могильный помост в укромном уголке тайги. Могильный помост осмысливался при этом как плот или лодка покойного. Отделившуюся от тела душу *бэен* шаман увозил на могильном помосте-плоту в *мэнэен*, поселение мертвецов-сородичей. Это стойбище, полагали эвенки, находится в нижнем мире (*Хэргу буга*), в устье мифической родовой реки. Душа *ханян*, став невидимой, удаляется тотчас же от тела покойного и приобретает новое качество, что подчеркивается ее новым названием – *оми* ‘душа, творение’. Став *оми*, душа уходит к истокам мифической родовой реки и поселяется там в особом жилище души – *омирук* (дословно «вместилище душ *оми*»). *Маин* находилась в истоке мифической родовой реки *мумонги хокто бира* (дословно «водяная дорога-река») [1, с. 58]. Так расположение мира мертвых связывалось у эвенков с образом гигантской реки.

Издавна эвенки вели кочевой образ жизни. Они перемещались к верховьям и низовьям гор, истокам и устьям рек. Согласно исследованиям Г. М. Василевич, у эвенков «... знания окружающей природы сказались в умении нарисовать на плоскости любую речную систему, по которой хоть раз прошел охотник» [3, с. 306]. Так, горно-речная система служила для них естественным ориентиром. Эвенкийские стойбища располагались преимущественно по берегам рек и озер, в местах, пригодных для оленьего пастбища и охоты. Передвижение по рекам отразилось в формах выражений локативных отношений: на реке – *бириаду* (находиться); на реку – *бирала* (пойти), из

реки – *бирадук* (выйти); от реки, с реки – *бирагит* (дуть); по реке – *бирали* (ехать); на реку – *биракла* (указать); вдоль реки – *биракли* (указать) [3, с. 307]. Страны света обозначались в некоторых говорах эвенкийского языка по течению реки. Так, в исследованиях Г. М. Василевич отмечается: «У учурских эвенков и у отдельных групп удских, вышедших на Уд с юга по его правым притокам, словом *солоки* (вверх по течению) называется «юг», а у северных соседей, вышедших на Становой хребет по средним правым притокам Алдана, словом *солоки* называется «восток». Были такие же названия у некоторых эвенков из баргузинской и нерчинской групп, вышедших с Витима: *зеки* (вниз по течению) – «юг», *сологдо* (верхний по течению) – «север» [3, с. 30].

Природный компонент в лингвокультуре эвенков является основным, на чем основана ценностная картина мира. Так, Г. М. Василевич отмечает: «Разделы лексики, относящиеся к природе горной тайги и к фауне, во много раз богаче этих разделов словаря европейских языков и, наоборот, эвенкийский язык очень беден в отношении лексики, связанной с жизнью города и городской культурой» [3, с. 306]. Концепт «Бира/река» является одним из ключевых в лингвокультуре эвенков. Базовым репрезентантом исследуемого ментального образования установлено слово *бира*, как наиболее употребительное, характерное для всех говоров эвенкийского языка и являющееся общим тунгусо-маньчжурским: «Эвенк. *бира* ‘река’; *бирауан* ‘житель реки’; *биради* ‘речной’; *биража* – ‘идти вдоль реки’; *бираја* ‘большая река, речка, ручей’; *бирајакун* ‘большая река’; *биракāйтэ* ‘ручеек, ключ, родник’; *биракāн* ‘маленькая речка’; *биракāчāн* ‘речушка’; *бирамй* ‘высохшее русло реки’; сол. *бира* ‘маленькая река, ручей’; эвен. *бира* ‘река’; нег. *бија* ‘речка, ключ’; ороч. *биака* ‘ручей, ключ’; уд. *б’еэса* ‘река, речка’; ульч. *бира* ‘протока, ручей’; нан. *бира* ‘ручей, небольшая река’; ма. *бира* ‘река’» [17, с. 84].

На лексикографическом материале построено номинативное поле концепта. В лексико-семантический состав номинативного поля исследуемого ментального образования включено 76 лексических единиц.

Арба ‘мель, мелководье’. *Арба-ми* ‘обмельеть (о реке); спасть, убыть (о воде в реке)’. *Аян* ‘старица, высыхающее русло реки; протока, курия; залив’.

Баргйгāн ‘житель той стороны реки, заречный житель’. *Баргидā* ‘противоположный’. *Бира баргидāдун бидерэ*. – Живут на той стороне реки (на противоположной стороне). *Баргйгйт* ‘с той стороны реки, озера; с того берега’. *Баргидāдū* ‘на противоположной стороне (находиться)’. *Бира баргидāдун мōтй оукодерон*. – На противоположной стороне реки пасется лось. *Баргидāлā* ‘на противоположную сторону реки (перейти)’. *Бира баргидāлāн нулгичэл*. – Перекачывали на противоположную сторону реки. *Баргидāлй* ‘по противоположной стороне (передвигаться)’. *Амут баргидāлйн орортй эмэдерэ*. – По противоположной стороне озера идут наши олени. *Баргидāн* ‘противоположная сторона (реки, озера)’. *Биракāн баргидāн упкачин ая оукочй*. – Противоположная сторона речки вся с хорошим ягелем (для оленей). *Баргйлā* ‘напротив, на той стороне (реки, озера находится)’. *Уриkitын тар ичэвдерй амут баргйлāн биһин*. – Их стойбище находится на той стороне виднеющегося вдали озера. *Баргйлй* ‘по противоположной стороне (двигаться)’. *Баргйлй нулгидеуэвун, талй ая һокто биһин*. – Поедем по противоположной стороне (реки), там хорошая дорога. *Бира* ‘река’. *Муһур бира – бэе сәһэдин мūtэри*. – Имеющей дух реки вода – кровь человеческая. *Биракāн* ‘речка’.

Тугэ биракār кэңкүвэтын кэпурэ гуниунэрэв. – Полый лед на речках называется кэпурэ. **Биракāкта; биракāчйн** ‘ключ, родник, ручеек’. *Тар ичэвдерй биракāкта дāптудūн бй амарйн āунарйв.* – На устье того виднеющегося ручейка я заночевал в прошлый раз. **Биран-ми** ‘сделать реку’. *Тар дыльа āчир гумэтчэл: муты эдū биранāт, улэкүткэт бира бдāн.* – Те безголовые договорились: мы здесь сделаемте-ка реку, глубоко пороем, чтобы получилась река. **Бирай** ‘большая река’; **Бирай** ‘назв. реки’. *Бирайдū бй гурўсна дюгүчэв.* – Я по реке Бирая возил грузы; 3) речка; 4) ручей. *Бирай бирайлā эёниукин, бирай биралā эёдеңкин.* – Ручей вливался в ручей, ручей бежал к реке. **Бирайкāн** ‘речка’. *Бирайкāн дяпкалдūлин кэтэ бэйүэ биктэдерэн.* – По берегам речки обитает много зверей. **Бирайкūн** ‘огромная река’. *Тар нэнэденэ бирайкūндулā эмэчэ.* – Так, идя, подошел к огромной реке.

Дāг-ми ‘перейти, переехать через речку’. *Оровй аят дявүчадяна, бирава дāгкэл.* – Хорошо держа оленей (крепко взяв в руки узды оленей), переправься через реку. **Дāгкйт** ‘перевоз, место переправы через реку’. **Дāпту** ‘устье, низовье реки’. *Нулгирэв Кирэктэ дāптулāн.* – Перекочевали к устью (речки) Кирэктэ. **Дāпту-ми** ‘слиться, впасть (о реке)’. **Дывэйн** ‘широкий (о речной долине)’; **Дырэн** ‘исток, начало реки’.

Енэ ‘большая река; исток реки; высокая гора’.

Июй ‘песчаная или мелкокаменистая отмель’.

Камнй ‘узкая приречная полоса земли у подножия горы’. **Камнй-ми** ‘прижимать; притеснять, угнетать’. *Минэ биргэл камнйра.* – Меня прижали беды. **Камнйгā** ‘скала, утес, крутое возвышение; теснина на реке, скала, стоящая вплотную к реке’. *Камныгадū эмй-кат бран бивкй кўрбэчй.* – Там, где скалы с обеих сторон, непременно бывает перекат.

Мүдэ-ми ‘прибыть, выйти из берегов, разлиться (о воде в реке, озере)’. *Тыгдэ амардукин биракāн мүдэчэ.* – После дождей в речке вода прибыла.

Бран ‘порог, каменистое место на реке; быстрина’.

Сагина-ми ‘журчать (о ручье)’. **Солигидā** ‘верхняя часть реки; местность в верхнем течении реки’. **Солйгйт** ‘сверху по течению реки (двигаться)’; **Солйлā** ‘вверху, в верхнем течении реки (находиться)’; **Солйлга** ‘верхний приток’. **Солйлй** ‘вверху, ближе к истоку реки (двигаться)’; **Сологōн** ‘житель верховья реки; назв. эвенкийского рода’. **Сологдо** ‘север’. **Солōкōкй; солōкй; солōптыкй** ‘вверх по течению’. **Солōкōкй нулгиһинденеүвун.** – Перекочуем вверх по течению. **Солйркūн** ‘сильный ветер с верховья реки’. *Иманнакūн тыкилчэ, солйркūн, тōраккūн бōчā, дйоватын аран эчэ дэгливэрэ.* – Начал падать густой снег, поднялся верховой (с верховья реки) ветер, сильная метель чуть не сорвала чум. **Солоһин-ми** ‘отправиться вверх по реке’.

Һэдэ-ми ‘переехать, переплыть через реку, озеро; пережить; перейти горный хребет’. **Һэдэкйт** ‘перевоз через реку, озеро; перевал через хребет’.

Тэһэ ‘ровный (о местности)’.

Эдйгдэ ‘юг’. **Эдйгдэкэндū** ‘внизу, в нижнем течении реки (находиться)’. **Эдйгй** ‘низовье реки, нижнее течение реки’. **Эдйгидэ** ‘нижнее течение реки’; **эдйгидэдū** ‘в нижнем течении реки (в сочетании с глаголами состояния)’; **эдйгидэйткй** ‘вниз по течению реки (в сочетании с глаголами движения)’. **Эдйгү** ‘нижний (по течению реки)’; **эдйгү тэгэ** ‘народ, живущий в низовьях реки’. **Эдйгэйн** ‘житель низовья реки’. **Эдйгэр**

‘род эвенков’. *Эдйль* ‘вниз по течению реки (в сочетании с глаголами движения)’. *Эдйль* ‘в нижнем течении реки (в сочетании с глаголами движения)’; *Ээ* ‘низовые реки; течение; порог, пережат (на реке); прямое течение реки’. *Ээ-ми* ‘погрузиться (в воду), тонуть; провалиться, идя по льду; утопиться; ехать по течению; плыть по течению’. *Ээн-ми* ‘плыть, течь, литься, протекать’. *Ээгидэ* ‘нижняя часть реки; устье реки’. *Ээгү* ‘нижний по течению’. *Ээкй*; *ээкэй* ‘вниз по течению; южный; юг’. *Ээкэкун*; *ээкэкин* ‘стрезень, быстрина; очень глубоко’. *Ээлаһа* ‘период, когда рыбы спускаются вниз по течению’. *Ээлгэ-ми* ‘остановиться в низовье реки’. *Ээнчэ-ми* ‘спускаться вниз по реке на плоту’. *Ээргэ-ми* ‘спускаться вниз по реке (по берегу или по льду зимой)’. *Ээһин-ми* ‘поплыть по течению’. *Ээчэ* ‘утонувший; утопленник’ [14, с. 52–761].

Так, анализ семантики языковых единиц, входящих в номинативное поле рассматриваемого ментального образования, позволяет выделить когнитивные признаки: начало (исток) и конец реки (устье) (*дырэн*, *дәптун*), широкая/узкая река (*албин*, *дывэн/силымкүн*), убывает или прибывает река (*мүдэ-ми/арба-ми*), движение вверх или вниз по течению реки (*солокдкй*, *ээкэй*, *солйгйт*, *солйла*, *солйль*, *эдйгидэткий*, *эдйль*, *эдйльэ*), по отношению к субъекту речи (*баргида*, *солококи*, *зекэки*), по отношению к местности протекания (*ижа*, *тэнэ*, *бран*), место перехода (*һэдэкйт*, *дәгкйт*), житель побережья реки (*баргйгән*, *сологдн*, *эдйгэн*), размер реки (*бирая*, *бираякүн*, *биракән*, *енэ*), период движения рыбы (*ээлаһа*), течение реки (*эдйгидэ*), местность (*солигидә*, *эдйгидэ*), стороны света (*сологдо*, *эдйгдэ*). Так, значение движения относительно реки выражается при помощи наречий места с суффиксами локативных падежей: *баргидә-ла*, *солй-ла*, *эдй-лэ* (местный падеж с суффиксом *-ла*, *(-лэ, -ло)* обозначает место, к которому направлено движение); *баргидә-дү*, *эдйгидэ-дү* (дательный падеж с суффиксом *-дү* имеет значение места, где кто-либо или что-либо находится, а также места, где происходит действие); *эдй-лй*, *баргидә-лй*, *баргй-лй* (продольный падеж с суффиксом *-лй* имеет значение места, по которому или вдоль которого направлено действие); *солй-гйт*, *баргй-гйт* (исходный падеж с суффиксом *-гйт* имеет значение места или предмета, со стороны которого производится действие); *солдн-тыкй*, *эдйгидэ-ткй* (направительный падеж с суффиксом *-тыкй*, *ткй* имеет значение места, по направлению к которому происходит действие). Место перехода через реку обозначается при помощи корневой основы со значением движения и суффикса *-кйт*, образующего существительные, означающие место, где постоянно производится действие (*һэдэкйт*, *дәгкйт*). Житель побережья реки обозначается при помощи суффикса *-ган* (*-гон*, *-гэн*), образующего имена существительные со значением постоянного жителя какой-либо местности: (*баргйгән*, *сологдн*, *эдйгэн*). Значение размера реки передается с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-кән* (*биракән*) и *-күн* (*бираякүн*), передающего увеличительное значение.

Для выявления образной составляющей рассматриваемого концепта нами исследовались сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Проанализировав тексты художественной литературы, стихи, полевые записи от носителей языка, мы обнаруживаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих оленя, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки рассматриваемого концепта.

Девочка Гунилгэн, героиня повести Г. И. Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река», кочуя с семьей, рассуждает о реке: «*Эткэн бу Дялтулатки нулгидерэв. Дялтула-бира балдыдяк бугав, таду-ты би балдыча бихим. Дялтула сома олlochи бира, суутакар дятулиндун сордоң-дэ бихин, хеңан-да бихин, дели-дэ бихин. Сом олlochи бира. Няң-дат эльчэл бэюр аминдүв тугэстэ, тарит тар дуннэле нулгидерэв. Адылья туленэл, оллоконмо дебдиүэвүн.* – Сейчас мы кочуем на реку Джелтула. Река Джелтула – моя Родина, там я родилась. В Джелтуле много рыбы водится: и щука, и налим, и таймень. Очень рыбная река. Снова отец не может добыть сожоев, не везет ему, поэтому туда кочуем. Сети будем ставить, рыбу кушать» [11, с. 46]. Проанализировав текст, можно выделить следующие смысловые признаки исследуемого концепта: река – родина. «*Дялтула-бира балдыдяк бугав, таду-ты би балдыча бихим.* – Река Джелтула – моя Родина, там я родилась»; река – кормилица, рыбное место: «*Дялтула сома олlochи бира, суутакар дятулиндун сордоң-дэ бихин, хеңан-да бихин, дели-дэ бихин. Сом олlochи бира.* – В Джелтуле много рыбы водится: и щука, и налим, и таймень. Очень рыбная река».

Во время перекочевки через трудные места, при перевалах и хребтах, переправах через реки проводят обряд *улганни*, заключающий в себе подвешивание цветных ленточек к дереву, означающих жертвоприношения хозяевам-духам местности. Так эвенки просят удачного пути, переправы через реку и благополучной охоты. Согласно исследованиям Г. И. Варламовой: «В обряде *улганни*, проводимом женщинами, есть две стороны, взаимодополняющие друг друга для достижения цели: 1) словесный текст обращен к духу конкретной реки или горного перевала; 2) само же действие обращено на установление контакта с верховным божеством, от которого зависит жизнь и судьба человека» [2, с. 138]. Происхождение *улганни* (*улга*) может быть связано со словом *улгэ-ми* ‘связывать что-либо длинное (веревки, шнуры, ремни, полоски ткани и т. д.), заплетать, плести, надвязывать, привязывать друг к другу, навязывать на что-либо веревки, шнуры, полоски’ [2, с. 130]. В повести Г. И. Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река» обряд *улганни* проводится при переходе через реку:

*Гэрбилэгды бирагды,
Дялтула бира!
Мухурэнни бирагды,
Хутэчил бихильбун,
Мунэвэ аят хэдэвкэкэл,
Баргидалаи нодакэл!*

Имеющая свое имя,
Джелтула-река!
Обладающая силой-мусун.
У нас дети.
Благополучно переправь нас,
На противоположную сторону перебрось!

[23, с. 247]

Так, в тексте наблюдаем, что река «обладает силой-мусун». Согласно исследованиям Г. И. Варламовой, *мусун* соответствует понятию «психическая энергия» («живая энергия»). Неживые, на современный взгляд, вещи в системе традиционного мировоззрения эвенков живы, т. к. обладают силой мусун [2, с. 59]. Таким образом, река эвенками мыслится живой, она может быть снисходительной и помочь, а может и наказывать.

Обряд *улганни* проводился чаще женщинами, реже мужчинами. Мужские тексты в обряде *улганни* нацелены на установление контактов с духом конкретной реки, перевала, и чаще всего главная забота в них – об охотничьем промысле. Женские же тексты реализуют более широкие мировоззренческие представления: веревки-шнуры, полоски ткани – это олицетворение о нитях жизни, о веревке-судьбе [2, с. 137]. Здесь можем наблюдать взаимосвязь и взаимообусловленность концептов «Река» и «Судьба» в лингвокультуре эвенков.

Информанты сообщают об обряде *улганни*, как о подношении в виде разноцветных ленточек духу-хозяину местности, горного перевала или реки: *«Биралдӯ онокто-коро уһйүнэкэллү сёкталдӯ, чалбакāрдӯ, октакāрдӯ, бира дяпкадӯн, һэдэкйттӯ. – Энин-ми гуниужкин миндӯ – Бира итчин синэвэ карайдянāн, эдэдерйвэ эвэнкйкāнма. Аямамат тыкэ гунмучэденэ сй уһйүнэнини сёктакардӯ оноктокоро, онёчкāрэ, һулакакāра: «Ап-сат, энйкән! Аямамат карайкал мутвэ эдэдерйлвэ эвэнкйкāрвэ. – У берега реки, на переправе разноцветные ленточки привязывают к кустам деревьев или тальника. Мама говорила мне, что дух реки пожалеет тебя и позволит удачно переправиться. Хорошо подумаешь, привяжешь яркие цветные ленточки к кустику и попросишь: «Бабушка Апсат, побереги нас, переправляющихся через реку эвенков» (Ю. Ю. Мальчакитов, оленевод).*

Во время обряда *улганни* к реке используется обращение «Эникән» ‘бабушка’: *«Бирава эвэнкйл гуникйл «эникән».* – Реку называют «бабушка».

Река дает воду, рыбу. *«Бирадук мӯвэ умипкйл упкат бидерйл бугадӯ. Балдыңāl нāн. Эвэнкйл бира дяпкадӯн уринчэдерйл гэлэдепкйл гудёндедэң эрэгэр, оллое борйдедэң. – С реки воду пьют все живущие на земле. И растения также пьют. Эвенки, живущие на берегу реки, просят, чтобы река пожалела их, рыбу чтобы дала» (И. Ю. Мальчакитова, мастерица).*

Весна – период рождения телят – хлопотливое время для оленеводов. Важной задачей для них является сохранение новорожденных оленят. Река в этот период составляет одну из главных опасностей для новорожденных оленят.

Неңненйдӯ бира эһинэкин энэкәр эдэтын эдерэ мӯдӯ. Аһй нэнэктэденэ бира дяпкадӯн уһйкārэ уйдепкй сёкталдӯ гунденэ: «Чара энйкән, гудёндекэл энэкәрвэ! – Весной, когда река начинает течь, просят, чтобы оленята не утонули. Женщина идет на берег реки и привязывает лоскуточки-тряпочки, приговаривая: «Бабушка Чара, пожалей оленят!» (И. Ю. Мальчакитова, мастерица).

Река дает пропитание, воду, но в то же время может быть опасной. У нее есть свой дух-хозяин, и чтобы его не рассердить, нужно сделать ему подношение: *«Бира-дук, тогодук бутуннӯвэ гэлэпкйл. Тогодук нямая, бирадук дебгэе. Бира оллое, дебгэе, мӯе бӯдеуэн. Бира мӯдэми сō нэливсе бпкй. Бира итчичй. Бира итчин эдэтын тыкуллэ, һэдэдекен саламая бпкйл аят һэдэдэ, аят бидедэ. – У реки, огня все просят. У огня – тепло, у реки – пищу. Река рыбу, пищу, воду дает. Когда река прибывает, очень страшно становится. У реки есть дух. Чтобы дух реки не рассердился, прежде чем перейти реку нужно сделать салам, чтобы все было хорошо» (В. В. Александров, охотник).*

Информанты указывают на главное участие женщин в обряде «Улганни», чьи тексты в основном направлены на благополучную переправу через реку и дальней-

шее благоприятное проживание у реки: «Эвэнкйл оноктокѳрво ирѳктэдѳ хэдэкѳйттѳ уипкѳл. Мѳт биѳкивун Ханидѳ. Тадѳ тар эрѳгэр энинми оноктокѳрво локоѳкин, гѳнденѳ «Аят бутуннѳ бидѳтын, ая хэдэкѳйт бидѳн». Нонон хэдѳл угѳчкакилди хэдѳнкѳтын, хэдѳл мѳрѳкт хэдѳнкѳтын. – Эвенки лоскуточки-тряпочки привязывают к дереву у переправы через реку. Мы раньше жили у р. Хани. Там мама моя часто вешала на переправе лоскуточки-тряпочки, приговаривая: «Пусть все будет хорошо, переправа пусть будет благополучной». Раньше на верховых оленях переходили через реку, некоторые на лодке-берестянке» (К. И. Габышева, мастерица).

Реке посвящены произведения эвенкийских писателей и поэтов. В стихотворении Н. К. Оѳгира «Бирая Лѳнга» река предстает родной, близкой эвенку, на что указывают образы, которые приписывает ей поэт: образ бегущего оленя с колокольчиком, блестящего аркана. Река течет с гольцов подобно «оронгочѳн коѳѳктѳлди киѳгѳндявкѳ, ‘подобно оленю, который при беге звенит колокольчиком’». Река оставляет «холодный след», который похож на «тар удян гиллѳмѳ мѳутва урѳвкѳ ‘этот след блестящему аркану подобен’».

*Лѳнга бирая яѳилгѳт эѳндевкѳ,
Оронгочѳн коѳѳктѳлди киѳгѳндявкѳ.*

*Киѳѳкѳнди хисѳкѳрвѳ кувлѳденѳ,
Урѳвѳ хѳргискѳ нуѳан эѳнивкѳ.*

*Гиллѳмѳ удяѳи нуѳан эѳнивкѳ,
Тар удян гиллѳмѳ мѳутва урѳвкѳ.*

*Тар нуѳан хисѳлѳв уруннѳ кувлѳвкѳ,
Агѳдѳ игдѳѳвѳ икѳнмѳ икѳвкѳ.*

Лѳнга река с гольцов течет,
Подобно оленю, который
при беге звенит
колокольчиком
По-детски обнимая камушки,
Вниз с гор она течет.

Блестящий след она оставляет,
Этот след блестящему аркану
подобен.
Он, радуясь, камни обнимает,
В тайге звонкую песню поет.

[15, с. 179–180]

Образ текущей реки с гольцов, подобной бегущему оленю с колокольчиком, в субъективном, авторском понимании близок к восприятию реки в мировоззрении эвенков. Так поэт приближает нас к национальному миропониманию.

Побережье реки – место проживания эпических героев и обитания их оленьего поголовья. Так, в текстах эвенкийских героических сказаний в долине реки обитает большое стадо домашних оленей.

*Гуннѳ эр эѳнѳ бираѳнуѳатын
Дѳрѳндукин дѳптумѳктѳн
Аямат пѳрѳнѳ ичѳмѳ,
Эр эѳнѳ бира эѳѳрин
Эвѳдѳ орон соѳу эѳмѳкѳмѳ иѳит,*

Оказывается, их большая река,
Если на нее хорошо посмотреть, –
По всем ее долинам,
От истока до устья,
Была заполнена эвенкийским
скотом – оленями

Сёктāгин сирӯткār ороp

Сёиланды̄ иелтын̄ йгин̄ сō ивит

На тальниковых ее берегах

олени-самцы

Гремели оголенными острыми
рогами.

[22, с. 136–137]

Как и многие эвенкийские запреты-оде̄, так и запреты, касаемые реки, выражают экологическое мировоззрение. Все запреты выстроены таким образом, что следует делать и что нельзя делать: «*Бирадук, амуттук упкатван олловон экэл дявара, хутэдүви эмэкэл*. – Из реки, из озера всю рыбу не вылавливай, оставь своим потомкам»; «*Оллол гирамналватын аят нэ̄ннэкэл, ороp эктын тукара, адыл маявки, олло хиукэ̄нин аксавй*. – Рыбьи косточки нельзя везде разбрасывать, надо хорошо положить, чтобы олени копытами не разгребали – иначе сети пропадут – дух реки рассердится, рыбы не даст»; «*Аивми оллово, уллэвэ̄ э̄ннэкэл мунувкэ̄нэ, нэ̄лэмэ̄. Дюлэски уллэ̄н̄е, олло̄н̄е ачин бдя̄н̄эс*. – Когда мясом и рыбой насытишься, нельзя лишнее портить до гнилья – это грех, впредь будешь без мяса и рыбы»; «*Адыллив̄ӣ нинакирдү̄ э̄ннэкэл хэ̄кимнэ̄вкэ̄нэ, адыл оллоэ̄ эт̄н̄ дявара – маядя̄н̄э̄н*. – Свои сети собаке не позволяй топтать, иначе сеть ловить не будет – рыба не будет ловиться»; «*Элэ̄кэс хэгдылэ̄ биралэ̄, амуттулэ̄ эмэм̄и, э̄ннэкэллӯ тэ̄пкэрэ̄, мūdун̄ япурра, аксадя̄н̄э̄н, оллоэ̄ эт̄н̄ бӯрэ̄*. – Когда в первый раз пришел на большую реку или озеро, то нельзя кричать, в воде плескаться, иначе рассердится и рыбы не даст». Река, как выяснилось, имеет свой дух, который может рассердиться и не позволить добыть рыбы.

Заключение

Таким образом, концепт «Бира/река» является одним из ключевых в лингвокультуре эвенков. Горно-речная система служит для эвенков естественным ориентиром. Формирование концепта «Бира/река» в лингвокультуре эвенков шло под влиянием охотничье-кочевого образа жизни и анимистических воззрений на природу. Лексема-репрезентант ‘*бира*’ исследуемого ментального образования является общим тунгусо-маньчжурским, что может свидетельствовать о древности рассматриваемого концепта в лингвокультуре эвенков. Река, как составляющий элемент природы, составляет одну из основ аксиологической картины мира эвенков.

Литература

1. Анисимов, А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований / А. Ф. Анисимов. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1958. – 238 с.
2. Варламова, Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
3. Василевич, Г. М. Древние географические представления эвенков и рисунки карт / Г. М. Василевич // Известия Всесоюзного географического общества. – Москва : Академия наук СССР, 1963. – № 4. – С. 306–319.

4. Габышева, Т. Т. Природные концепты «Река» и «Тайга» в повести Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река» / Т. Т. Габышева, Ю. Г. Хазанкович // Русский язык и литература в современном образовательном пространстве: диалог культур ; сборник материалов Международной научно-практической конференции ; ответственный редактор Т. А. Бердникова. – Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018. – С. 68–70.
5. Захарова, Н. Е. Экспериментальное исследование особенностей языкового сознания эвенков-билингвов (на примере концепта человек/бэе/киһи) / Н. Е. Захарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 215–219.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Кузьмина, Р. П. Способы репрезентации образных и оценочных признаков концептов вьюга и лед в языковом сознании эвенов / Р. П. Кузьмина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 82–89.
8. Куреня, И. В. Анализ концепта «Река» в авторской англоязычной картине мира / И. В. Куреня // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 2006. – № 2 (13). – С. 173–177.
9. Курилова, С. Н. Концепт «Река» как актуальная ментальная единица водного пространства ландшафтной концептосферы в лингвокультуре лесных юкагигов / С. Н. Курилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2015. – № 2 (5). – С. 135–142.
10. Кусмидинова, М. Х. Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги / М. Х. Кусмидинова // Теория и практика общественного развития. – Краснодар : Издательский дом ХОРС, 2015. – № 21. – С. 205–208.
11. Кэптукэ, Г. И. Рожденные под Небом-Буга: избранные произведения / Г. И. Кэптукэ ; составители А. Н. Варламов., Ю. А. Варламова ; редактор текста на эвенкийском языке С. В. Васильева. – Якутск : Алаас, 2021. – 480 с.
12. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре : монография / В. А. Маслова. – Москва : Гнозис, 2007. – 320 с.
13. Мерекина, Е. В. Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков) : 10.02.19 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мерекина Екатерина Васильевна ; Алтайский государственный университет. – Барнаул, 2008. – 300 с.
14. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучады турэрук / А. Н. Мыреева ; ответственный редактор В. А. Роббек ; составители Т. Е. Андреева, П. П. Багаева, Г. И. Варламова, Н. Е. Кудрина. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
15. Оёгир, Н. К. Гулунун дегдэдерэн... Чтоб не гас костер... Сказки, стихи / Н. К. Оёгир. – Красноярск : Сибирские промыслы, 2006. – 352 с.

16. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
17. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 томах ; ответственный редактор В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1975, 1977. – Т. 1, Т. 2.
18. Ушницкая, Н. Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских : монография / Н. Ю. Ушницкая. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 2020. – 128 с.
19. Ушницкая, Н. Ю. Вербализация концепта «Мб/дерево» в лингвокультуре эвенков / Н. Ю. Ушницкая // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск : Амурский государственный университет, 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 160–169.
20. Ушницкая, Н. Ю. Репрезентация концепта «Олень» в языковой картине мира эвенков / Н. Ю. Ушницкая // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск. – 2022. – № 2 (39). – С. 108–120.
21. Черникова, Е. В. Концепты душа и дух в русском, английском и эвенкийском языках (сопоставительное исследование на фразеологическом уровне) : 10.02.20 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (на правах рукописи) / Черникова Елена Васильевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2005. – 23 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-dusha-i-dukh-v-russkom-angliiskom-i-evenkiiskom-yazykakh-sopostavitelnoe-issledova/read>
22. Эвенкийские героические сказания / составитель А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. – 392 с.
23. Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сборник научных трудов ; под редакцией Г. В. Быковой, Г. И. Варламовой. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2008. – Вып. 2. – 271 с.

References

1. Anisimov, A. F. Evenki religion in the historical and genetic study and problems of the origin of primitive beliefs / A. F. Anisimov. – Moscow ; Leningrad : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. – 238 p. (In Russ.)
2. Varlamova, G. I. Epic and ritual genres of Evenki folklore / G. I. Varlamova. – Novosibirsk : Nauka, 2002. – 376 p. (In Russ.)
3. Vasilevich, G. M. Ancient geographical representations of the Evenks and drawings of maps / G. M. Vasilevich // Proceedings of the All-Union Geographical Society. – Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1963. – No. 4. – P. 306–319. (In Russ.)
4. Gabysheva, T. T. Natural concepts «River» and «Taiga» in the story of Galina Keptuke «Having its own name, the Dzheltula River» / T. T. Gabysheva, Yu. G. Khazankovich // Russian language and literature in modern educational space: dialogue of cultures; collection of materials of the International Scientific and Practical Conference ; executive editor T. A. Berdnikova. – Cheboksary : Center for Scientific Cooperation «Interactive Plus», 2018. – P. 68–70. (In Russ.)

5. Zakharova, N. E. Experimental study of the features of the linguistic consciousness of bilingual Evenks (on the example of the concept man/bee/kihi) / N. E. Zakharova // Philological Sciences. Questions of theory and practice. – Tambov : Diploma, 2020. – T. 13. – Vol. 3. – P. 215–219. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. Language circle: personality, concepts, discourse / V. I. Karasik. – Moscow : Gnosis, 2004. – 390 p. (In Russ.)
7. Kuzmina, R. P. Ways of representation of figurative and evaluative features of the concepts of blizzard and ice in the linguistic consciousness of the Evens / R. P. Kuzmina // Theoretical and applied linguistics. – Blagoveshchensk : Amur State University, 2022. – T. 8. – No. 2. – P. 82–89. (In Russ.)
8. Kurenja, I. V. Analysis of the concept «River» in the author's English-language picture of the world / I. V. Kurenja // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. – Saratov : Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, 2006. – No. 2 (13). – P. 173–177. (In Russ.)
9. Kurilova, S. N. The concept «River» as an actual mental unit of the water space of the landscape concept sphere in the linguistic culture of the forest Yukaghirs / S. N. Kurilova // Arktika XXI century. Humanitarian sciences. – Yakutsk : NEFU Publishing House, 2015. – No. 2 (5). – P. 135–142. (In Russ.)
10. Kusmidinova, M. Kh. Formation of the concept of the river in Russian culture on the example of the Volga / M. Kh. Kusmidinova // Theory and practice of social development. – Krasnodar : HORS Publishing House, 2015. – No. 21. – P. 205–208. (In Russ.)
11. Keptuke, G. I. Born under the Sky-Bug: selected works / G. I. Keptuke ; compilers A. N. Varlamov., Yu. A. Varlamova ; text editor in the Evenki language S. V. Vasilyeva. – Yakutsk : Alaas, 2021. – 480 p. (In Russ.)
12. Maslova, V. A. Homo lingualis in culture : monograph / V. A. Maslova. – Moscow : Gnosis, 2007. – 320 p. (In Russ.)
13. Merekina, E. V. Cultural concepts as a core part of the linguistic consciousness of a small people (ethno-linguo-culturological study of the Evenk language) : 10.02.19 : dissertation for the degree of candidate of philological sciences / Merekina Ekaterina Vasilievna ; Altai State University. – Barnaul, 2008. – 300 p. (In Russ.)
14. Myreeva, A. N. Evenk-Russian Dictionary = Evedi luchady tureruk / A. N. Myreeva ; executive editor V. A. Robbek ; compiled by T. E. Andreeva, P. P. Bagaeva, G. I. Varlamova, N. E. Kudrina. – Novosibirsk : Nauka, 2004. – 798 p. (In Russ.)
15. Oyogir, N. K. Guluvun degdederen... So that the fire does not go out... Fairy tales, poems / N. K. Oyogir. – Krasnoyarsk : Siberian crafts, 2006. – 352 p. (In Russ.)
16. Popova, Z. D. Semantic-cognitive analysis of language / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – Voronezh : Origins, 2007. – 250 p. (In Russ.)
17. Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: materials for an etymological dictionary: in 2 volumes ; executive editor V. I. Tsintsius. – Leningrad : Science. Leningrad branch, 1975, 1977. – T. 1, T. 2. (In Russ.)
18. Ushnitskaya, N. Yu. Basic linguocultural concepts in the language picture of the world of Evenks and Russians : monograph / N. Yu. Ushnitskaya. – Ulan-Ude : Publishing house of the Buryat State University named after Dorji Banzarov, 2020. – 128 p. (In Russ.)

19. Ushnitskaya, N. Yu. Verbalization of the concept «Mõ/tree» in Evenk linguistic culture / N. Yu. Ushnitskaya // Theoretical and Applied Linguistics. – Blagoveshchensk : Amur State University, 2022. – T. 8. – No. 3. – P. 160–169. (In Russ.)
20. Ushnitskaya, N. Yu. Representation of the concept «Deer» in the language picture of the world of the Evenks / N. Yu. Ushnitskaya // North-Eastern Humanitarian Bulletin. – Yakutsk. – 2022. – No. 2 (39). – P. 108–120. (In Russ.)
21. Chernikova, E. V. The concepts of soul and spirit in Russian, English and Evenki languages (comparative study at the phraseological level) : 10.02.20 : dissertation abstract for the degree of candidate of philological sciences (as a manuscript) / Chernikova Elena Vasilievna, Moscow State Linguistic University. – Moscow, 2005. – 23 p. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kontsepty-dusha-i-dukha-v-russkom-angliiskom-i-evenkiiskom-yazykakh-sopostavitelnoe-issledovanie/read> (In Russ.)
22. Evenk heroic tales / compiled by A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Science. Siberian branch, 1990. – 392 p. (In Russ.)
23. Evenki ethnos at the beginning of the third millennium: a collection of scientific papers ; edited by G. V. Bykova, G. I. Varlamova. – Blagoveshchensk : BSPU Publishing House, 2008. – Vol. 2. – 271 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

УШНИЦКАЯ Наталья Юрьевна – н. с. Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: maltak84@mail.ru

USHNITSKAYA, Natalya Yurievna – Researcher of the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North SB RAS